

Увидев внезапно появившегося Эр-е, который выглядел едва живым, Ше Цзе первым же делом мысленно воззвал к Небесному камню:

****[Ты можешь его спасти?]****

****[К сожалению, нет. Практически весь запас энергии был израсходован на восстановление вашего тела. До полной подзарядки не хватает еще восьмидесяти восьми процентов. Расчетное время завершения накопления...]****

«Руководство по выживанию в Млечном Пути» вовсе не было всесильным. Оно не могло безгранично продлевать Ше Цзе жизнь, ведь любое полноценное лечение без побочных эффектов требовало колоссальных энергозатрат. К тому же ещё при создании в систему вшили строжайший базовый код: безопасность хозяина — превыше всего. Если заряда хватало лишь на одного, Руководство без колебаний игнорировало волю владельца и автоматически спасало его жизнь.

Бездушно? Пожалуй. Но именно в этом и заключалась главная задача устройства — любой ценой уберечь своего владельца на чужой планете. В конце концов, многие внеземные цивилизации в совершенстве владели искусством обмана, и хозяин мог даже не догадываться, что его водят за нос.

Накопление энергии не требовало топлива или генераторов: прибор просто поглощал и расщеплял особые молекулы, растворенные в воздухе, постепенно восполняя заряд.

****[Тогда ты знаешь, как ему помочь?]****

Ше Цзе оставался на удивление хладнокровным. Он не стал устраивать сцен или сыпать бесполезными проклятиями из-за бесстрастного тона прибора, что значительно сэкономило драгоценное время.

****[Запускаю сканирование всего тела. На основе полученных данных я проведу перекрестный анализ информации из базы данных с доступными подручными средствами, после чего скоординирую ваши действия по оказанию первой помощи.]****

Пусть Небесный камень и не мог поделиться энергией, его колоссальные медицинские архивы служили отличным подспорьем и своего рода лазейкой в жестком протоколе защиты владельца.

В объяснениях прибора хватало непонятных Ше Цзе терминов, но вникать в них и не требовалось. Главное — птицу можно спасти.

Тяжёлый камень, давивший на грудь юноши, наконец немного сдвинулся.

Пока Небесный камень сканировал Эр-е, в сад прибежал Цянь Цзя, запыхавшись и семена вслед за своим учителем. Его наставник, почтенный лекарь Цянь, носил чин придворного лекаря Хэань. Он долгие годы лечил императорскую семью, застав смену четырех владык: от Тай-цзуна, Жэнь-цзуна и Вэнь-ди до нынешнего государя Шэнь-цзуна. Старик практически вырастил Ше Цзе на своих глазах и прекрасно знал, на какие нелепые выходы способен молодой наследник. Поэтому весть о том, что ему придётся лечить попугая, он принял с олимпийским спокойствием. Пришедшие с ним младшие коллеги втайне восхищались профессиональной выдержкой мэтра.

"Надо же, сколько лет, сколько зим, Эр-е, — усмехнулся про себя лекарь Цянь. — Какую беду ты накликнул на этот раз?"

Старик хорошо помнил те годы, когда Ше Цзе, словно дикая обезьянка, носился по Внутреннему двору дворца. То он вместе с Эр-е отправлялся охотиться на птиц и умудрялся подбить самого себя, то лез на дерево спасать того же попугая и с треском летел вниз... Каждый раз император Вэнь-ди пугался до полусмерти, оплакивая кузена так, будто тот уже испустил дух.

В те времена Вэнь-ди ещё не стал мудрым и непогрешимым правителем Великой Ци — он был простым подростком, ненамного старше Ше Цзе. Он умел искренне плакать, радоваться и совершать глупости. Та былая суматоха до сих пор казалась лекарю удивительно живой.

Но если старый лекарь Цянь сохранял невозмутимость, то у его коллеги внутри всё кипело от негодования. Он счёл это личным оскорблением. Вслух возразить он, конечно, не посмел.

"Да этот изнеженный вельможа просто издевается над нами! — бушевал лекарь про себя. — Наверняка мстит за то, что проболел слишком долго и не мог развлекаться!"

Прежде этот лекарь служил в богатых домах и навиделся капризов знатных господ. Эти благородные с виду юноши на деле оказывались мстительными и жестокими, а уж изощрённых способов отравить жизнь прислуге они знали великое множество, причём так, что и слова поперёк не скажешь.

Казалось бы, лекарь — благородное призвание, они спасают жизни, и если не вечной благодарности, то хотя бы элементарного уважения заслуживают. Но люди устроены странно: спасение они считают долгом врача, исцеление — само собой разумеющимся, а при любой неудаче готовы смешать лекаря с грязью, обвиняя во всех грехах и злом умысле. В знатных семьях домашних целителей зачастую держали за обычную челядь, которой можно помыкать по первому капризу.

Почтенный Цянь, умудрённый долгими годами жизни при дворе, читал людей как открытую книгу. Каким бы сдержанным ни пытался казаться его коллега, старик мимоходом, осматривая попугая, раскусил все его метания.

Он бросил мимолётный взгляд на своегомышлёного ученика Цянь Цзя, и тот мгновенно

понял наставника без слов.

— Господин, пойдёмте сначала подготовим некоторые снадобья, — предложил Цянь Цзя.

Его коллега нахмурился: какой ещё рецепт, если они даже диагноз не поставили? Однако спорить не стал и последовал за юношей. Стоило им завернуть за угол и скрыться из виду обитателей гостевой залы, как Цянь Цзя заговорил, поспешно извиняясь за своего господина.

Ше Цзе, по сути, оставался большим ребёнком. Позвать придворных лекарей к больной птице он решил вовсе не из желания поиздеваться. Так дитя, подобрав на улице раненого щенка, глупо, но искренне тащит его домой к родителям или бежит в ближайшую лечебницу, понятия не имея, что для этого существуют ветеринары в Императорских конюшнях.

Да, наследник Ше давно вышел из детского возраста, но... в его доме попугая с самого начала лечили исключительно дворцовые лекари. О ветеринарном ведомстве он, конечно, слышал, но в его представлении тамошние коновалы умели лечить разве что лошадей. Одним словом — избалованность. Если никто никогда не объяснял Ше Цзе, как устроен этот мир, откуда ему было знать?

— Скажу вещь крамольную, — прошептал Цянь Цзя, — но неужели вы думаете, что с соображалкой нашего наследника можно выдумать столь изощрённое оскорбление?

Лекарь на мгновение лишился дара речи. Довод был настолько логичным и неоспоримым, что крыть было нечем.

Недоразумение рассеялось, не успев перерасти во вражду, а сам виновник переполоха даже не догадывался о разыгравшейся за его спиной драме.

Ше Цзе в этот момент был поглощён совершенно иными размышлениями.

"И кто только выдумал это глупое правило? — думал он. — Стоит герою истории найти раненого, как его тут же подозревают в злодеянии, порождая череду нелепых недоразумений"

Потакая старым обидам, ему бы следовало заподозрить Фан Чаоцы — мол, этот коварный тип затаил злобу и жестоко расправился с бедным Эр-е. Однако и здравый смысл, и логика, и какое-то смутное внутреннее чутьё подсказывали обратное.

"Тот, кто сам преданно заботится о питомце, никогда не поднимет руку на чужого любимца, — рассудил Ше Цзе. — Фан Чаоцы точно не из тех безумцев, что станут вредить беззащитной птице"

Ше Цзе сделалось неловко. Человек спас его любимца, а он втихомолку примерял на него личину злодея — поступок, мягко говоря, не самый благородный. В глазах молодого

наследника их молчаливое противостояние сменилось тягостной неловкостью.

Фан Чаоцы, напротив, пребывал в отличном расположении духа. Опустив попугая на столик, он бережно взял на руки главного героя дня — кота Фэйляня. Этим жестом он без слов давал понять своему любимцу: «Пусть я только что нянчился с этой птицей, ты для меня всегда на первом месте». Да и ласкать пушистого зверя было отличным способом скрыть собственные чувства.

— Скажи... а где ты его нашёл? — негромко спросил Ше Цзе.

— Его отыскал Фэйлянь, — честно ответил Фан Чаоцы, не желая присваивать себе чужие заслуги. — Я лишь пошёл за ним и понял, что он ведёт меня на помощь. Мне уже доводилось видеть этого попугая в резиденции Великой принцессы, так что я сразу узнал вашего... названного брата.

Откуда у Фэйляня взялась страсть к спасению раненых собратьев, Фан Чаоцы и сам не знал. Впрочем, этот кот всегда отличался широким кругом знакомств среди уличной живности и обожал притаскивать в дом всякую уличную тварь. Конечно, вцепиться зубами в израненного Эр-е и притащить его хозяину Фэйлянь не мог — так он бы окончательно придушил бедолагу. Пришлось звать на помощь человека.

Праздный случай: золотой мандарин, которым кот приманил хозяина, был вовсе не из личных запасов Фан Чаоцы. Где шельмец его раздобыл — оставалось загадкой.

Тем временем на кухне усадьбы Ше кухарка в полном недоумении разглядывала блюдо со свежими мандаринами Цзянси: она могла поклясться, что только что красиво разложила фрукты, но одного золотистого бочка явно не хватало.

Видя, что Фан Чаоцы не спешит хвастаться подвигами и требовать благодарности, Ше Цзе растерялся окончательно.

"Да что с ним такое? — растерялся Ше Цзе. — Почему этот парень вечно ведёт себя совсем не так, как должен вести себя злейший враг?"

В этот момент Небесный камень наконец завершил сканирование. Как оказалось, Эр-е почти не пострадал. Выглядел он ужасно, однако большая часть крови на его перьях принадлежала кому-то другому.

Ше Цзе лишился дара речи.

"Погодите-ка... — осенило Ше Цзе. — Этот негодяй ведь мастерски умеет притворяться мёртвым!"

Стыд и досада разом накрыли юношу. Смущённо кашлянув, он решительно шагнул вперёд, бесцеремонно отодвинул лекаря в сторону и, растеряв всю недавнюю тревогу, ткнул пальцем прямо в пухлую грудь Эр-е. Надавив посильнее, он заставил этого пернатого комедианта приоткрыть один хитрый лаково-чёрный глаз.

— О, Эр-е, соизволил очнуться? — с ядом в голосе протянул Ше Цзе.

Попугай, продолжая лежать на боку, ничуть не смутился. Каким-то непостижимым образом его покрытая перьями физиономия приняла наглое и глумливое выражение.

— Ох, сыно-ок! — проскрежетал он.

<http://bllate.org/book/19472/1998900>